

УДК 342.3(091)

Е. А. Тюгашев

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: urfak@irs.ru

КОНЦЕПТ «АРХЕ» И ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

Трансформации мирового правопорядка, которые неоднократно претерпевало человечество на протяжении XX в. существенно расширили наши представления о возможных формах государственности. Такие явления как тоталитаризм, военные режимы, «государствоподобные» образования, вновь актуализировали классические представления о деспотии [37], тирании и олигархии, а также привлекли внимание к вопросу генезиса государств и ранних форм государственности [23; 15]. Новые горизонты концептуализации открывает и ностальгия по оставленным формам государственности, массовое возрождение которых пока представляется маловероятным¹.

В теории государства и права делаются первые, пока довольно робкие шаги по переосмыслению устоявшийся в либерально-правовой традиции типологии государств [40; 43]. Наибольшие затруднения вызывает, пожалуй, выделение оснований типологии государств на основе представлений о государственном устройстве и государственном строе, формах правления и политических режимах [12; 14]. Устоявшиеся в учебной литературе типологии Л. М. Волосникова вполне справедливо, на наш взгляд, называет «предельно лапидарными», существенно упрощающими вслед за Т. Гоббсом известные с античности классификации [5. С. 189].

Л. М. Волосникова предлагает реабилитировать концептуальные модели античной политико-правовой мысли и рассматривает эвристический потенциал идеи смешанного государства на примере анализа английского и французского конституционализма. Пред-

принятый ею опыт, а также логика античной традиции убеждают в том, что отправным пунктом в уточнении оснований типологии форм государства должен послужить анализ содержания концепта «монархия», в соотношении с которым вводятся представления о демократии, республике и т. п.

Термин «монархия» этимологически восходит к древнегреческому слову «архе» (*αρχη, arche* – начало). Категория «архе» является важнейшей категорией древнегреческой философии. Она использовалась для выделения первоначал (или первоэлементов) мира. К *архе* относили огонь (Гераклит), воду (Фалес), воздух (Анаксимен), апейрон (Анаксагор) и другие начала. Эмпедокл объединял огонь, воду, землю и воздух в четверякий корень всех вещей.

В дофилософском словоупотреблении (начиная с Гомера) слово *архе* имело несколько значений: 1) отправная точка, начало чего либо в пространственном или временном смысле; 2) начало как зачин, причина чего-либо; 3) начало как начальство, власть, главенство [17. С. 38].

Последнее значение слова представлено, например, в цитируемом Т. В. Васильевой гимне Зевсу древнегреческого поэта Терпандра: «Зевс, всех вещей власть (*αρχα*), / всех вещей предводитель, / Тебе воссылаю начало (*αρχαν*) моего гимна...» [4. С. 16]. В переводе Вяч. Иванова, как обращает внимание Т. В. Васильева, используется еще одно значение слова *αρχη* – верх: «Зевс, ты – всех дел верх! / Зевс, ты – всех дел вождь! / Ты будь сих слов царь, ты правь мой гимн, Зевс!» [30. С. 35]. Первоначально в древнегреческом языке ассоциируется, таким образом, с властью и верховенством.

Ионийский спор о приоритете начал решал вопрос старшинства в политическом миропорядке. Каждое начало было симво-

¹ См., например «Ab imperio» – международный электронный журнал, издаваемый с 2000 г. в Казани. Электронный ресурс: <http://abimperio.net>.

лом конкретного родоплеменного объединения. Поэтому спор о первенстве начал решал вопрос о власти. Принцип старшинства в «Послезаконии» Платона разъясняется словами Сократа: «Самым главным из этого было то, что любая душа старше любого тела... Разве не убедительно, что то, что лучше, – древнее и более богоподобно в противоположность худшему, которое моложе и менее почтенно? Ведь повсюду тот, кто правит, старше подвластного и руководитель во всех отношениях старше руководимого. Итак, признаем, что душа старше тела. Раз это так, то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначально у нас старше первого рождения» [22. С. 980 d–e]. Первенство и старшинство начала легитимировало власть родоплеменного объединения.

В родоплеменной идеологии притязания на верховную власть опирались на принцип старшинства первопретка фратрии. Будучи родовыми тотемами, первопретки имели космологическую специализацию, были хозяевами стихий. Поэтому фратрии и кастово-профессиональные группы соотносились не только с основными социальными функциями (сакральной, военной и хозяйственной), но и с зонами космоса и с иерархией богов, отвечающих за конкретные стихии.

Власть богов ограничивалась пределами стихий, только в совокупности составлявших космос. Взаимодополняемость и ограниченность власти богов связывалась с такой же взаимодополняемостью и ограниченностью власти фратрий и их вождей [39. С. 107–110]. Так, например, у майя к власти ежегодно допускался вождь одной из четырех фратрий: смена власти соотносилась с представлением о том, что миром управляют поочередно четыре божества. Сакральная мотивированная власть у джарай Индокитая персонифицировалась в королях Воды, Огня, Леса (дерева). Теократические триумvirаты Индокитая восходят к трехродовым союзам; специализация функций триумvirатов восходит к символическим характеристикам частей союзов (тотемические связи с огнем, водой) [42; 27].

Известное высказывание Гераклита о том, что «всех и вся, нагрянув внезапно, будет Огонь судить и схватит», в этнографическом контексте следовало бы рассматривать как реликт тотемизма и ионийской племенной идеологии. Любопытно, что демократи-

ческие партии – партии купцов и ремесленников – опирались на морское превосходство, т. е. были партиями Воды.

Т. И. Ойзерман полагал, что «было бы уступкой вульгарному социологизму» рассматривать учение об элементах (вода, воздух, огонь, земля) как отражение исторически определенной социальной структуры [21. С. 282]. Но А. Е. Лукьянов показал, что и в китайской, и в индийской культуре присутствует пятичастная связь материальной стихии и племени, первопреток которого и есть живое первоначало. Так, первопреток даосизма – Хуанди, олицетворение Земли [19. С. 34–43].

В древнекитайской культуре представление о пятичастном строении мира и государственности существовало в виде мифологем У ди («пять императоров», «пять государей», «пять божеств») и У тай («пять великих») [24. 544–545]. По одной версии, У ди – это пять мифических государей-первопретков, по другой – пять небесных государей, по третьей – духи пяти стихий. Согласно первой версии, сформулированной философом Ван Су (195–256 гг. н. э.), в число У ди входят Шао-хао (царь стихии металла), Чжуань-суй (царь стихии воды), Ди-ку (царь стихии дерева), мудрый правитель Яо (царь стихии огня) и его преемник Шунь (царь стихии земли). По второй версии, У ди – это пять небесных государей, символизирующих пять направлений (четыре стороны света и центр): владыка востока Цан-ди («зеленый государь»), владыка юга Чи-ди («красный государь»), владыка центра Хуан-ди («желтый государь»), владыка запада Бай-ди («белый государь»), владыка севера Хэй-ди («черный государь»). У ди обозначало также пять стихий – дерево, огонь, земля, металл, вода (подробнее см.: [18].

Как отмечает Е. А. Торчинов, в традиционной китайской историографии, исторический процесс рассматривался как чередование сменяющих друг друга династийных циклов, управлявшихся одним из первоэлементов (т. е. династия как бы правила силой одного из первоэлементов) [32]. В этом процессе первоэлементы сменяют друг друга в порядке взаимопреодоления: дерево преодолевается металлом, металл преодолевается огнем, огонь преодолевается

водой, вода преодолевается землей, земля преодолевается деревом и т. д.

Это историософское представление имело и регулятивное значение. Так, возникшее в начале XVII в. маньчжурское государство первоначально называлось Цзинь (этим иероглифом обозначается и первоэлемент «металл»). Столкнувшись с китайской империей Мин (династия Мин правила под эгидой первоэлемента «огонь», который преодолевает металл), маньчжуры в 1637 г. провели церемонию переименования государства в Цин (в иероглиф «цин» входит классификатор «вода»). В 1644 г. маньчжурские войска заняли Пекин и династия Цин правила Китаем до 1911 г.

Сила тождественна началу, и вся сила в начале, пишет С. С. Неретина [20. С. 63]. Поэтому представленная в первых главах «Метафизики» Аристотеля архе-(о)-логия – поиск истинного архе, есть выявление правящего начала, первого по старшинству и потому верховного элемента власти. «...Слова *αρχη* и *αρχεῖν* означают прежде всего следующее: начинать, стоять в начале всего, следовательно, править и определять», – пишут К. А. Сергеев и Ю. В. Перов [25. С. 52]. «Начало начальствующее», – лаконично определяет А. В. Ахутин [1. С. 278].

Термин *αρχε* является составным элементом термина «монархия». Слово *μοναρχία* встречается в греческих текстах с VI в. до н. э. для обозначения тирании. К IV в. до н. э. *μοναρχία* относится уже к любому виду единоличного правления, в том числе к царской власти [3. С. 301]. В средневековом дискурсе под монархией подразумевалась «единая всемирная держава», и только у Н. Маккиавели появляется классическое противопоставление «монархии» как единовластного государства «республике».

В настоящее время монархия и республика рассматриваются как основные формы правления [29. С. 180]. При этом редко обращается внимание на выделение иных, неосновных форм правления, как, например, известные из истории тирания, деспотия и др. Напомним, что вплоть до эпохи Возрождения перечисленные формы классифицировались как разновидности монархии и отнюдь не противопоставлялись республике, поскольку и сама монархия могла воспри-

ниматься как «общее дело». Поэтому полноценными республиками считались и Римская империя, и Священная Римская империя.

Истинный монархизм не противоречил истинному республиканизму и в дальнейшем [41]². А в контексте восходящей к Аристотелю и Полибию концепции смешанного государственного устройства эмпирически различить «чистую» монархию и «чистую» республику было затруднительно.

Вот как комментировал данную ситуацию Гегель: «Неуместны также, как это делается в новейшее время, бесконечные разглагольствования от наличия демократического и аристократического элементов в *монархии*, ибо определения, которые при этом имеются в виду, именно потому, что они имеют место в *монархии*, уже не представляют собой что-либо демократическое или аристократическое» [6. С. 312]. В этом замечании Гегеля интерес представляет не столько оценочный момент, сколько характеристика бытовавшего тогда дискурса.

Монархия и республика только на первый взгляд представляются взаимоисключающими формами правления. При ближайшем рассмотрении даже специалисты, оперирующие «точно» сформулированными понятиями, в республиках находят атрибуты монархии (и наоборот) [28. С. 438]. Настаивая тем не менее на безусловном различии монархии и республики применительно к «современным культурным государствам» Ф. В. Тарановский апеллирует к таким признакам монархии, как правление единоличное, наследственное, непосредственное и безответственное.

Нетрудно заметить эмпирическую несостоятельность каждого из этих признаков в отдельности. Это было очевидно еще Гегелю, который писал: «Превращение монархического строя в наследственную монархию с установленным престолонаследием по первородству... – один из поздних результатов истории... Прежние монархии... являют собой в истории постоянную смену мятежей, насильственных действий государей, внутренних войн, гибели правящих династий...» [6. С. 328].

² О юридических аспектах исторической практики «республиканской монархии» см.: [11].

Ф. В. Тарановский сам отмечает возможность избрания монархов, и это давно известная и широко распространенная практика. История также знает множество примеров «коллективного» монархического правления. А ответственность за свое правление монархами всегда признавалась, если не *de facto* перед народом, то хотя бы *de jure* перед Богом. Таким образом, «стандартное» определение монархии является весьма частной спекулятивной конструкцией, возможно, удобной в дидактическом отношении, но малопригодной для интерпретации известной эмпирии.

Привычное сегодня противопоставление монархии и республики как альтернативных форм правления в контексте истории политических идей и реальной государственной практики представляется несостоятельным.

Во-первых, классификационное деление форм правления на монархии и республики не удовлетворяет известным из логики правилам классификации. Базовое понятие формы правления определяется крайне многосложно³. Основание деления четко не фиксируется. Образующиеся классы объектов не являются взаимоисключающими.

Во-вторых, онтологически эта классификация производится только по отношению к избирательно зафиксированной совокупности государств, а не ко всем государствам без исключения. Так, предваряя рассмотрение вопроса о монархии и республике как формах правления, Ф. В. Тарановский признает: «Мы вынуждены отказаться от классификации государств, известных науке на всем протяжении политической эволюции человечества, и ограничиться рассмотрением вопроса об образах устройства и правления современных культурных государств» [28. С. 436]. Границы «современности» и «культурности», разумеется, весьма размыты.

В-третьих, методологические средства, используемые для определения понятий монархии и республики, а именно понятия «одно лицо» и «народ», определяются им-

PLICITNO. Между тем задача юридического определения понятий «личность» и «народ» далека от своего решения [35]. В рамках же сложившихся представлений не исключается пересечение этих понятий по объему⁴.

В-четвертых, в гносеологическом контексте понятия монархии и республики восходят к различным по происхождению комплексам представлений. Понятие монархии фиксирует ситуацию «единовластия» по отношению к «многовластию», тогда как понятие республики (*res publica*) отличало категорию общественных дел от частных занятий (*res privata*). Таким образом, в исторически случившейся констелляции понятий монархии и республики мы встречаемся не с закономерной дифференциацией форм правления, а с интеграцией интенционально разнородных абстракций.

В-пятых, в праксеологической перспективе размышления о необходимости и сменяемости форм правления должны осуществляться в горизонте права, реализация которого и обеспечивается в процессе правления. По праву, во имя права и посредством права осуществляется правление в той или иной его форме.

Разделение понятий монархии и республики по разным областям концептуализации позволяет восстановить исторически базисную ситуацию отсутствия их онтологической взаимозависимости. Независимость этих понятий друг от друга по содержанию и объему обращает нас к их самодетерминации, к определению их через соотношение с денотатом, причем в той объективной действительности, в которой отсутствовали аналоги современных организационных структур законодательной и исполнительной власти. Иначе говоря, понятия монархии и республики нельзя определять в сравнении друг с другом, так как не исключено, что это произвольно сопоставленные объекты. Эти понятия содержательно следует определять в себе и через себя. Каким же образом это возможно?

Для этого можно обратиться к внутренней форме слова. Совокупность внутренних взаимосвязей слова составляет не только его

³ «Под формой правления принято понимать способ организации верховной государственной власти, порядок образования ее органов, их взаимодействия между собой и с населением, степень участия населения в их формировании» [29. С. 179].

⁴ В дореволюционной России среди самых разных политических сил популярным был концепт «самодержавие народа» (см., например: [26]).

внутреннюю форму, но и отчасти его содержание. Значение термина будет, соответственно, определяться системой его взаимосвязей не только в научной системе, но и в системе естественного языка. По общему правилу базисной детерминации, значение научного термина должно находиться в области допустимых значений семантического поля слова естественного языка [33]. Соответственно, семантическое поле гнезда слов естественного языка определяет организацию гнезда понятий.

Рассматривая внутреннюю организацию слова «монархия», можно сделать выводы, что это слово указывает на единовластие (в смысле единоначалия), возможность «не-единовластия», а также «началия» и «безначалия» вообще. Таким образом, термин «монархия» оказывается в окружении ряда словоформ, система и семантика которых объективно определяет его содержание.

На возможность данного пути в экспликации содержания понятия монархии указывал (правда, высказывая скептическое отношение к нему) Гегель. Так, сетуя на разглазгования о присутствии в монархии аристократического и демократического элементов, он замечал: «Эти формы, которые таким образом, принадлежат различным целостностям, в конституционной монархии низведены до моментов; монарх – один; в правительственной власти вступает *несколько* человек, а в законодательной власти – вообще *множество*. Но подобные чисто количественные различия, как было уже сказано, лишь поверхностны и не сообщают понятия предмета» [6. С. 312].

Для этого суждения у Гегеля, по-видимому, были основания, опирающиеся на его научный опыт. В современном же историко-научном контексте такая оценка воспринималась бы как излишне категоричная. Количественные изменения, безусловно, переходят в качественные, коренным образом меняют существо предмета, и соответствующий масштаб перемен составляет основания для иного понятия.

Так, экономисты, например, усматривают смысл в типологии форм рынка по числу его участников, выделяя полиполию, олигополию, монополию. «Разграничение понятий “много”, “мало” и “один” невозможно на основании количественных критериев, – пишет К. М. Барфус. – Определяющим для

такого разграничения является поведение участников рынка: когда речь идет о “многих” участниках (полиполия), у них отсутствует ориентированность на реакцию друг друга: например, если фирма X снижает свою цену, фирма Y не будет на это реагировать. Доля рынка и поле для маневра каждой отдельной фирмы являются незначительными. Иначе обстоит дело при олигополии: защита высокой доли рынка вынудит фирму X реагировать на решения фирмы Y в области политики сбыта (например, на снижение цен или обновление продукции). При монополии конкуренции нет в принципе» [2. С. 30–31]. Аналогично по признаку количества брачных партнеров биологи считают целесообразным различать брачные системы моногамии и полигамии.

Очевидно, что в междисциплинарном сопоставлении монархия семантически ассоциируется с монополией и моногамией. Вхождение монополии и моногамии в отдельные гнезда понятий, категоризированных по признаку количества, позволяет предположить возможность выделения соответствующего гнезда и для понятия монархии. В это гнездо входят, по-видимому, понятия олигархии, полиархии и анархии.

Впервые этот ряд понятий выстроил один из отцов христианской церкви Григорий Богослов, который, обосновывая свою тринитарную доктрину, дифференцировал формы земного правления по формам теизма: 1) монархия (единоначалие) – правление одного, содержащее веру в одного Бога; 2) полиархия (многоначалие), исходящая из многобожия и рассеивающая Божье могущество, разделяющая Его сущности между несколькими богами; 3) анархия (безначалие), расплывающая Божью сущность настолько, что при ней становится уже почти невозможно постичь само существование Бога [8. С. 302–303].

Следует отметить, что Григорий Богослов рассуждал в рамках традиционных для античности типологий, неустойчиво различавших и соответственно отождествлявших различные формы государств. Так, полиархию он отождествлял с аристократией, которая, в свою очередь, в то время часто отождествлялась с олигархией. Анархия для Григория Богослова была тождественна демократии.

Споры о соотношении форм правления не прекращаются до сих пор. Но существенной задачей представляется не сильно варьирующееся и слабо верифицируемое содержание конкретных типологий, а их формализация в рамках терминологических рядов⁵. Эффективность типологии определяется ее концептуальной системностью, надежно закрепленной в терминологии.

Один из шагов в этом направлении сделал Ш. Пеги, который в одном из выступлений начала 1904 г., посвященном политическому анархизму, обратил внимание на различие между терминами, образованными от корня «-арх-» (монархия, олигархия, демархия), и другими, происходящими от корня «-крат-» (монархия, аристократия, демократия)⁶. В отношении термина «демархия» Ш. Пеги отметил, что термин не сложился, а в отношении термина «монархия» – что он не закрепился. Терминологический ряд «архии» Ш. Пеги связывал с авторитетом, компетентностью и экономической властью; терминологический же ряд «кратии» – с силой, командованием и административной властью.

Комментируя эти размышления, Ф. Федье указывает: «Простое этимологическое разыскание показывает нам, что в корнях этих слов кроется глубокое различие смысла, достаточное для объяснения их разной судьбы» [36. С. 201]. Впрочем, он не переводит далее свое рассуждение в государствоведческий план, ограничиваясь историко-филологическим анализом.

На наш взгляд, эвристический потенциал наблюдения Ш. Пеги значителен и пока еще не реализован в области типологии государственных форм. В теоретическом дискурсе современности наиболее популярна тема демократии. Думается, что концепты аристократии, бюрократии и теократии также должны быть актуализированы и введены в гнездо понятий, отражающих источники и механизмы «кратии».

Предпринятый нами экскурс в область «кратии» имеет еще одно следствие: он позволяет избежать ее смешения с концепту-

альной областью «архии», которая должна быть рассмотрена «в-себе» и «для-себя».

К термину «монархия» по первичному дифференцирующему признаку количества примыкают термины «олигархия», «полиархия», «анархия». Олигархия, определявшаяся как правление немногих, в качестве отдельной формы государства выделялась Платоном и Аристотелем. Понятие полиархии, определяемой как правление многих, актуализировал относительно недавно в качестве категории политологии Р. Даль [9; 10], утверждающий, что не более трети государств современного мира являются полиархиями. Об анархии как естественно-правовом состоянии абсолютной свободы писал Т. Гоббс [7. С. 276]. В настоящее время употребляется также термин «архия», обозначающий политически организованное общество. Не рассматривая вопрос о конкретном государственно-правовом содержании монархии и т. п., попытаемся понять абстрактно-общие характеристики этих форм правления, инвариантные по отношению к формам структурной самоорганизации в различных сферах общественной жизни.

Анархия всегда ассоциировалась не только с безвластием (безначалием), но и с хаосом, беспорядком, смешением всего сущего. П. А. Кропоткин, например, характеризовал анархическое учение как мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений, или, «лучше было бы сказать *кинетическом*, так как этим выразилось бы *постоянное движение* частиц вещества» [16. С. 280].

В этом смысле анархия – это не безвластие, а беспредельная власть: броуновское движение разнородных корпускул власти в войне всех против всех. Структурным аналогом анархической организации экономической жизни является рынок свободной конкуренции. В социологии и этнографии в качестве аналога анархии рассматривается феномен неупорядоченных половых связей, который получил название «промискуитет» (от *лат.* *promiscuus* – смешанный).

Отсутствие единоначалия при анархии не следует интерпретировать как неправовое состояние. По Т. Гоббсу это естественно-правовое состояние, где взаимное «правление» осуществляется в специфической форме. П. А. Кропоткин анархию связывал с локально-договорными и обычно-правовыми

⁵ О значении упорядочивания терминологических рядов в теории права см.: [34].

⁶ Об этом выступлении вспоминает Ф. Федье [36. С. 200].

отношениями: «Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, ни какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными» [16. С. 287].

Если не обсуждать проблему исторической реальности «анархической» государственности и анархической формы государственного правления⁷, то нельзя не признать модельную возможность анархии как естественной формы правления. Анархия в процессе правления не менее вероятна, чем рынок совершенной конкуренции, представляющий, впрочем, также довольно сильную теоретическую абстракцию от реальной экономической жизни.

Интерпретация анархии как базисной и «естественной» формы правления позволяет рассмотреть остальные формы правления в синергетическом аспекте самоорганизации. Примечательно, что Р. Даль идентифицирует полиархии по многопартийности (что аналогично полиполии на «фирменном» рынке), а олигархии идентифицируют по реализации институциональной стратегии назначения арбитра [13; 38].

Теория государства и права сейчас находится только в преддверии научной типологии форм правления (как и форм государственности в целом). Юридической науке предстоит совершить в данной области переход от первичных классификаций к системной типологии. Решающее значение здесь имеет выбор оснований типологии. В данной статье была предпринята попытка показать фундаментальное различие понятийно-терминологических рядов, отображающих различные измерения государственности. Изначальная независимость, параллелизм этих рядов позволяет сконструировать

многомерную типологию форм государственности, в рамках которой определение современного Российского государства как, например, федеративной бюрократической олигархической республики не будет выглядеть *contradictio in adjecto*.

Список литературы

- Ахутин А. В.* Тяжба о бытии. М., 1996.
- Барфус К. М.* Формы рынка: полиполия, олигополия, монополия // Менеджмент и рынок: германская модель. М., 1995.
- Бойцов М. А., Пишова С. Н.* Монархия // Словарь средневековой культуры. М., 2003.
- Васильева Т. В.* Лучше всего, конечно, же, вода... // Васильева Т. В. Комментарии к курсу истории античной философии. М., 2002.
- Волосникова Л. М.* О смешанной форме правления // Государство и право на рубеже веков: Проблемы истории и теории: Матер. Всерос. конф. (2–4 февраля 2000 г., г. Москва). М., 2001.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2-х т. М., 1991. Т. 2.
- Григорий Богослов.* Слово 20-е // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1–2. Изд. Сойкина (б. г.). Репринт. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1.
- Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство. // Вопр. философии. 1994. № 3.
- Даль Р.* Предпосылки возникновения и утверждения полиархий. // Полит. исследования. 2002. № 5.
- Десимон Р.* Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002.
- Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: Проблемы типологии // Вестн. древней истории. 1982. № 2.
- Зудин А.* «Олигархия» как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

⁷ Сомнения в реальности соответствующих проектов высказывались уже в XIX в. [31]. Но как анархическое можно квалифицировать состояние государственности в переходные исторические периоды, например, российская государственность в 1917–1922 гг.

- Иванов В. В. Вопросы теории государственного устройства // Журнал российского права. 2002. № 1.
- Кочакова Н. Б. Двадцатилетие исследовательского проекта «Раннее государство» // Восток. 1996. № 4.
- Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.
- Лебедев А. В. Архе // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Лисевич И. С. Моделирование мира в китайской мифологии и учение о пяти первоэлементах // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
- Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке. Древний Китай и Индия. М., 1989.
- Неретина С. С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995.
- Ойзерман Т. И. Главные философские направления: Теоретический анализ историко-философского процесса. М., 1984.
- Платон. Послезаконие. // Платон. Законы. М., 1999.
- Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
- Рифтин Б. Л. У ди // Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С. А. Токарева. М., 1997. Т. 2.
- Сергеев К. А., Перов Ю. В. Гегель и современное историческое сознание // Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1993. Кн. 3.
- Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991.
- Стратанович Г. Г. Формы верховной власти в теократических государствах Азии // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.
- Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001.
- Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1998.
- Терпандр Лесбосский. К Зевсу // Античная лирика. М., 1968.
- Ткачев П. Н. Анархическое государство // Ткачев П. Н. Соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 2.
- Торчинов Е. А. Традиционная китайская историография: картина мира и исторический процесс // <http://www.w3.org/TR/REC-html40>.
- Тюгашев Е. А. Термин как объективная мыслительная форма // Современное терминоведение Сибири. Проблемы и перспективы. Новосибирск, 2003.
- Тюгашев Е. А. Терминосфера теории права: конфликт языковых культур в полиязыковом образовательном пространстве // Современное терминоведение Сибири. Язык. Культура. Теория познания: Материалы второй науч.-практ. конф. (15–16 сен-тября 2004 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 2004.
- Тюгашев Е. А. Юридическое понятие личности // Государство, право, образование. Новосибирск, 2003.
- Федье Ф. Власть // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье Ф. Воображаемое. Власть. М., 2002.
- Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
- Фортескью С. Правит ли Россией олигархия? // Полис. 2002. № 5.
- Фрэнгер Д. Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1983.
- Хабибуллин А. Г. Научные основы типологии государств: вопросы теории и практики. СПб., 1997.
- Черноверская Т. А. Проблема «республиканской монархии» в политической мысли Франции в первые годы Великой Французской революции. // Монархия и ее роль в истории: Тез. межвуз. науч. конф. Омск, 1995.
- Чеснов Я. В. Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае. // Религия и мифология Восточной и Южной Азии. М., 1970.
- Чиркин В. Е. Государствоведение. М., 2000.

Материал поступил в редколлегия
01.12.2005